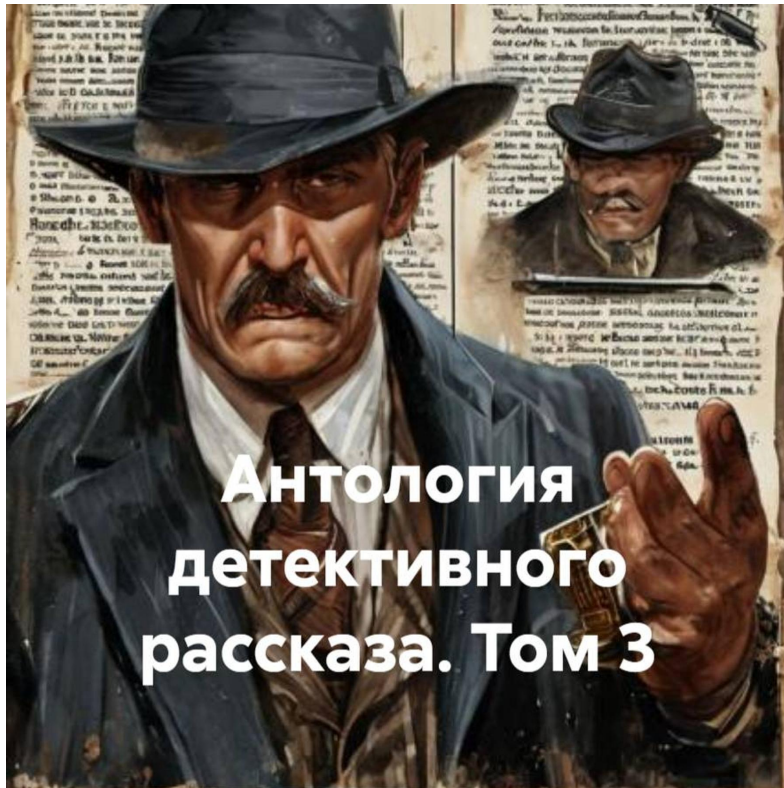

Антология детективного рассказа. Том 3

Артур Б.
Рив

Артур Рив

Антология детективного рассказа. Том 3

<https://litres.ru/73853084>

SelfPub; 2026

Аннотация

В третий том «Антологии детективного рассказа» вошли пять произведений разных авторов, работавших в жанре детективного рассказа. Все произведения ранее на русских язык не переводились.

Содержание

Артур Б. Рив	4
Эрнест Брама	38
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Антология детективного рассказа. Том 3

Артур Б. Рив

Резиновый кинжал

Артур Бенджамин Рив (1880 — 1936) — американский писатель детективного жанра. Известен серией романа о профессоре Крейге Кеннеди и его помощнике газетном репортере Уолтере Джеймсоне.

Рассказ «Резиновый кинжал» (The Rubber Dagger) взят из сборника «The Treasure-Train» (Проект Гутенберг, «Общественное достояние», согласно авторскому праву США и России), впервые опубликован в 1916 году в журнале «Cosmopolitan».

Перевод Валерия Чудова

— Гипноз не способен на то, что утверждает Каратов. Он мошенник, Кеннеди, мошенник.

Профессор Лесли Гейнс с кафедры экспериментальной психологии университета возбужденно расхаживала взад и вперед по лаборатории Крейга.

— В окружное медицинское общество поступили жало-

бы, — продолжил он, не останавливаясь, — они взялись за это дело и организовали демонстрацию на сегодня. Мне поручено присутствовать на ней и отчитаться.

По его тону и манерам я предположил, что дело не ограничивается профессиональным ажиотажем. Мы не были близки с Гейнсом, хотя, конечно, Кеннеди знал о нем, а он — о Кеннеди. Несколько лет назад, как я вспомнил, он женился на мисс Эдит Эшмор, семья которой занимала довольно видное положение в обществе, и этот брак привлек большое внимание в то время, поскольку она училась на одном из его курсов, когда он был всего лишь доцентом.

— Кто такой Каратов, собственно говоря? — спросил Кеннеди. — Что о нём известно?

— Доктор Гален Каратов — русский, кажется, — ответил Гейнс. — Он утверждает, что лечит болезни с помощью гипноза и внушения, как он это называет, хотя на самом деле это нечто большее. Насколько я понимаю, это почти что перенос мыслей, телепатия или что-то подобное. О, у него много последователей; на самом деле, к нему ходят очень известные люди из высшего общества. Почему-то, — добавил он, обращаясь к нам, — и моя жена Эдит заинтересовалась его гипнотическими клиниками, как он их называет. Я говорю ей, что это больше чем наполовину обман, но она не верит.

Гейнс сделал паузу, и было очевидно, что он колебался, прежде чем задать вопрос.

— Когда состоится демонстрация? — с нескрываемым

интересом сказал Кеннеди.

Профессор посмотрел на часы.

— Иду сейчас; я немного опаздываю... просто подумал о вас и мне пришло в голову, что, возможно, если вы добавите что-нибудь к моему докладу, это будет иметь значение. Не хотите ли пойти со мной? Честно говоря, я думаю, это может вас заинтересовать.

До сих пор Кеннеди говорил мало, кроме одного-двух вопросов. Я знал симптомы. Гейнсу не стоило колебаться или настаивать. Это было именно то, что привлекало моего друга.

— Как миссис Гейнс заинтересовалась этим? — спросил Крейг мгновение спустя, стоя снаружи, когда мы садились в машину с профессором.

— Через знакомую, которая познакомила её с Каратовым и остальными. Карита Бельвиль, танцовщица, вы же знаете?

Кеннеди взглянул на меня, и я кивнул, давая понять, что слышал о ней. Всего несколько ночей назад я видел Кариту на одном из полуночных ревю, где она исполняла танец, который описывали как «гипнотический вихрь» — дикую, безудержную грацию и движение. Карита Бельвиль ворвалась, словно метеор, в небосклон «Великой Белой дороги», оставляя великолепный след среди неподвижных звезд этого веселого небосклона. Ее даже «приняло общество», или, по крайней мере, определенная его группа; она стала очень востребована для показательных танцев на светских мероприя-

тиях и теперь была хорошо известна в развлекательных заметках газет и модных ресторанах. У нее было множество поклонников, и я не сомневался, что миссис Гейнс вполне могла попасть под очарование ее популярности.

— Какой интерес мисс Бельвиль вызывает Каратов? — полюбопытствовал Крейг.

Гейнс пожал плечами.

— Возможно, из-за известности, — ответил он. — Мне говорят, что Каратов собрал вокруг себя довольно странную группу людей.

В ответе было что-то неудовлетворенное, и я предположил, что Гейнс намеренно оставил его таким, чтобы не влиять на исход дела. Почему-то мне казалось, что в действиях Каратова и его «пациенты» есть что-то рискованное. Каратов. Во всяком случае, это было вполне естественно и могло бы заинтересовать Кариту Бельвиль.

Времени на дальнейшие вопросы было мало. До места назначения было недалеко от университета, поэтому мы ехали недолго. Машина остановилась перед одним из новых, красивых и богато украшенных «квартир-студий» в верхней части города.

Мы последовали за Гейнсом в здание, и посыльный проводил нас в номер на первом этаже.

Спустя мгновение сам Каратов впустил нас в то, что стало известно как его «гипнотическая клиника», а на самом деле представляющая собой художественно обставленную сту-

дию.

Каратов оказался высоким темноволосым мужчиной с бородой и несколько бледным лицом. Однако каждая черта его примечательного лица была подчинена паре чудесных, глубоко посаженных, пронзительных глаз. Когда он говорил, приветствуя Гейнса, прибывшего с довольно щекотливой миссией, и принимая нас быстрым взглядом и кивком, мы мгновенно поняли, что он действительно был очаровательным человеком, настоящим мистиком.

Его клиника, или, как я уже говорил, студия, прекрасно передавала мистическое впечатление, которое производила странная личность, возглавлявшая её. В квартире было всего две или три комнаты, одна из которых — большая, в конце очень короткого коридора, куда он нас и проводил. Она была затемнена, что было неизбежно, поскольку находилась на первом этаже высокого здания, и воздух, казалось, был пропитан запахами Востока. В целом, в ней ощущалась какая-то изысканная мечтательность, которая от этого не становилась менее экзотической. Доктор Каратов остановился у двери, чтобы представить нас, и мы могли видеть, что собравшиеся там люди внимательно нас рассматривают.

На причудливой подставке заваривался чай; и среди всех собравшихся царила атмосфера богемного товарищества, которая, в сочетании с заявлениями Каратова, вселяла уверенность в то, что Кеннеди не тратит время зря.

Я особенно внимательно наблюдал за обменом привет-

ствиями между профессором Гейнсом и Эдит Гейнс, которая уже находилась там. Ни один из них не казался совершенно непринужденным, хотя они старались как можно меньше показывать этого. Однако нельзя было не заметить, что каждый из них, естественно, наблюдал за другим.

Эдит Гейнс была очаровательной изящной женщиной невысокого роста, миниатюрной, со светлыми волосами, — именно той, которая жаждала внимания и стремилась к нему. Здесь, по крайней мере, его недостатка, казалось, не было. В комнате была еще только одна женщина, которая привлекала мужчин не меньше, — сама Карита Бельвиль. Танцовщица действительно была потрясающей женщиной — высокой, стройной, темноволосой, с чудесными магнетическими глазами.

Наблюдая за ними, я заметил, что обе женщины были довольно дружелюбны к доктору Каратову — возможно, даже соперничали за его внимание. Я видел, как Гейнс внимательно наблюдал за Каритой, ни на секунду не теряя из виду миссис Гейнс. Пытался ли он оценить относительную популярность этих двух женщин в этой странной компании? Если так, то я не увидел в них никакого одобрения.

Знакомства происходили так быстро, что ни у Кеннеди, ни у меня не было много возможностей, кроме как бегло понаблюдать за людьми. Однако среди мужчин я обратил особое внимание на двоих, которые оказались особенно достойными внимания. Одним из них был Арманд Маршант, хорошо

известный брокер, но не столько своими профессиональными делами, сколько другими занятиями. Несмотря на успех, он был больше известен как один из тех, кто покидает Уолл-стрит сразу после закрытия торгов и оказывается на танцевальных вечерах в верхней части города поздним вечером.

Ещё одним был Сирил Эррол, человек праздный, хорошо известный также в клубном мире. Он унаследовал имение, возможно, небольшое, но достаточное, чтобы поддерживать видимость благополучия. Эррол производил впечатление человека, которого очень привлекали блага жизни, гедониста и, к тому же, очень тяготеющего к дамам.

К счастью, чай позволил нам осмотреться и сориентироваться. Несмотря на сдержанное волнение и очевидную сдержанность, мы смогли многое узнать за чашкой чая.

Эррол, казалось, метался между компанией, собравшейся вокруг миссис Гейнс, и компанией, собравшейся вокруг мисс Бельвиль; его везде встречали радушно, потому что он был, как принято говорить, «хорошим собеседником». Марчант же, напротив, почти всегда находился неподалеку от Эдит Гейнс. Возможно, его привлекала более блестящая беседа, поскольку она затрагивала множество тем, но объяснить это мне было трудно. Все это, как я видел, Гейнс должным образом отмечал, не для отчета, который ему нужно было представить Медицинскому обществу, а для собственного сведения. На самом деле, было трудно определить точную степень неодобрения, с которой он по очереди относился к

Каратову, Эрролу и Марчанту, отмечая близость Эдит Гейнс с ними. Мне хотелось бы понаблюдать за ними всеми, когда они этого не знают, потому что я не мог понять, получала ли она удовольствие, поддразнивая профессора, или же держала своих поклонников на поводке в его присутствии. Во всяком случае, я посчитал, что мне не нужно приписывать себе дар ясновидения, чтобы предсказать характер отчета, который подготовит Гейнс.

Разговор достиг своего апогея, когда Каратов отделился от одной из групп и занял место в углу комнаты, в одиночестве. Он не произнес ни слова, но, словно по волшебству, гул разговора прекратился. Каратов выглядел так, словно гордился силой даже своего молчания. Что бы ни говорили об этом человеке, но, по крайней мере, само его присутствие, казалось, внушало уважение его последователям.

Я ожидал, что он упомянет Гейнса, нас самих и цель встречи, но он избежал этой темы и вместо этого сразу перешел к сути дела.

— Чтобы не оставалось никаких сомнений в моих способностях, — начал он, — прошу каждого из вас написать на листке бумаги то, что вы хотели бы, чтобы я заставил кого-либо сделать или сказать под гипнозом. Пожалуйста, плотно сложите бумагу, закрыв написанное. Я прочитаю эту бумагу про себя, всё ещё сложенную, загипнотизирую человека и заставлю его сделать всё, что он пожелает. Это будет прелюдией к тому, что я расскажу позже о своих способно-

стях в гипнотерапии.

Служащий раздал листки бумаги с маленькими карандашами, и в наступившей после этого шелестящей тишине каждый ломал голову, пытаясь найти что-нибудь, что позволило бы проверить способности Каратова.

Поразмыслив, я оглядел комнату. Рядом с хозяином стоял стол, на котором лежала любопытная коллекция игр и книг, музыкальных инструментов и других вещей, которые могли подсказать, какие действия нужно будет выполнить во время теста. Мой взгляд скользнул к фонографу, стоявшему рядом со столом. Почему-то я никак не мог выбросить из головы миссис Гейнс и Кариту Бельвиль.

И я медленно написал: «Пусть миссис Гейнс выберет пластинку, проиграет её на фонографе, а потом пусть делает, что ей вздумается».

Прошло несколько минут, пока остальные писали. Казалось, каждый пытался придумать способы проверить выдержку доктора Каратова. Затем бумаги собрали и положили на стол рядом с ним.

По всей видимости, Каратов наугад выбрал один из сложенных листов бумаги, а затем, не глядя на него и уж точно не разворачивая, насколько я мог судить, поднёс его ко лбу.

Мне был знаком этот старый трюк. Возможно, он взял губку, смоченную спиртом или какой-то другой жидкостью, провел ею по бумаге, сделав надпись видимой сквозь нее, а затем быстро высушил ее, так что бумага снова стала непро-

зрачной задолго до того, как кто-либо из нас увидел ее во второй раз. Или он действительно использовал какую-то оккультную силу? В любом случае, он прочитал ее, или, по крайней мере, сделал вид, что читает.

— Меня просят загипнотизировать миссис Гейнс, — объявил он, беззаботно бросив бумагу на стол рядом с другой стопкой, словно это была детская забава для его способностей.

Меня несколько шокировало осознание того, что он случайно взял мою бумагу первой, и я с нетерпением наклонилась вперед, наблюдая за ним.

Миссис Гейнс встала, и все взгляды были прикованы к ней, когда Каратов усадил ее в кресло перед собой. Повисла напряженная тишина; Каратов подвинул кресло так, чтобы она могла сосредоточить свое внимание только на ярком серебряном шаре, подвешенном к потолку. Полумрак, тяжелая атмосфера, тихая, уверенная манера главного актера сцены — все это вместе делало гипноз почти возможным, насколько это позволяли обстоятельства. Каратов двигался перед ней, проводя руками с необычным движением перед ее глазами. Казалось, прошло невероятно мало времени, прежде чем Эдит Гейнс поддалась странной силе, которая завораживала всю группу.

— Довольно восприимчивая, — пробормотал Кеннеди, сидевший рядом со мной и полностью поглощенный операцией.

— Это мой текст, — прошептала я в ответ, и он кивнул.

Эдит Гейнс медленно поднялась со стула, повернулась к нам невидящим взглядом, следуя, по-видимому, указаниям Каратова. Сам Каратов словно застыл в гримасе. Казалось, он сосредоточил все свои силы на выполнении поставленной задачи. Медленно, словно во сне, женщина подошла к фонографу, потянулась к шкафу под ним и достала книгу пластинок. Каратов повернулся к нам лицом, словно желая заверить нас, что в этот момент он отказался от контроля и позволил ей действовать от имени своего подсознания.

Ее пальцы скользили по странице за страницей, пока, наконец, она не остановилась, достала пластинку, положила ее на проигрыватель, завела его, а затем поместила пластинку на вращающийся диск.

Мое первое удивление быстро сменилось удовлетворением. Она выбрала музыку из «Гипнотического вихря». Я наклонился вперед, более сосредоточенный. Что она сделает дальше?

Когда она повернулась, я даже в тусклом свете заметил, как на ее щеках появился румянец, словно ее заразило волнение от зажигательной музыки. Мгновение спустя она уже исполняла, и весьма достойно, имитацию самой Кариты из ревю. Что это означало? Сознательно или бессознательно она брала за образец стройную танцовщицу? Мастерство и знания, вложенные ею в танец, были очевидны.

Рядом с Кеннеди я увидел Гейнса, сильно наклонившего-

ся вперед и смотрящего, то на жену, то на небольшую группу людей. Я проследил за его взглядом. К моему удивлению, я увидел Марчанта, чей взгляд был прикован к Эдит Гейнс, словно она была главной звездой в спектакле. Очевидно, моя случайная просьба к Каратову была продумана лучше, чем я предполагал. Я окинул взглядом остальных. Эррол был не менее увлечен, чем Марчант. Быстро взглянув на Кариту, я подумал, не могла ли она быть удовлетворена выступлением ученицы. Была ли это природная грация или настоящий гипноз в «Гипнотическом вихре»? Я с удивлением увидел на лице Кариты что-то странно похожее на ревность. Как будто какая-то другая женщина узурпировала ее право. Она наклонилась, чтобы поговорить с Эрролом с непринужденной фамильярностью старой поклонницы. Я не расслышал, что было сказано, и, возможно, это было неважно. На самом деле, ее, должно быть, разозлила именно незначительность его ответа. Он на мгновение взглянул на Марчанта, как будто она что-то сказала о нем, а затем снова на Эдит Гейнс. Профессор Гейнс, в свою очередь, все больше и больше приходил в ярость.

Когда музыка затихла, я уже почти решил, что небольшая драма в зале гораздо важнее и интереснее, чем даже танец. Каратов подошел к миссис Гейнс, взял ее за руку, отвел обратно к стулу, и по первому слову она пришла в себя. Когда она поднялась, видимо, все еще находясь в оцепенении, стало совершенно очевидно, что она не осознает произошедше-

го, потому что она вернулась и села рядом с мужем, как будто ничего не случилось.

Что касается меня, я не мог не задаться вопросом, что же на самом деле произошло. Что всё это значило? Выразила ли миссис Гейнс свои собственные чувства, или их нужно было отнести к Каратову, или Марчанту, или Эрролу? Какую роль сыграла Карита Бельвиль? Гейнс ничего ей не выдал, но их взаимное отношение было красноречивым. Было что-то, что ему не нравилось, и она это знала, какое-то несоответствие. В чём была причина?

Что касается демонстрации Каратова, то она получилась поистине замечательной, независимо от того, был ли этот человек обманщиком в своей терапии или нет.

Каратов, похоже, понял, что совершил удачное попадание. Не дав никому возможности задать вопросы, он быстро наклонился и взял еще один лист бумаги, повторив тот же процесс, что и раньше.

— Мистер Эррол, — произнес он, положив второй сложенный лист бумаги на стол рядом с первым.

Эррол поднялся и подошел к Каратову. Тот посадил его в кресло так же, как и миссис Гейнс. Казалось, последователи Каратова несколько не колебались, подвергаясь гипнозу.

Что бы ни было написано на бумаге, автор, очевидно, не полагался на случай, как я, а конкретно указал, что нужно делать.

По молчаливому приказу Каратова Эррол встал. Мы за-

таив дыхание наблюдали. Он демонстративно прошел через комнату к столу и, к изумлению всех, кроме одного, поднял резиновый кинжал, лежавший в куче всякой всячины на столе — один из тех, которыми играют дети. Я его не заметил, но чей-то зоркий глаз увидел, и, очевидно, это и было намеком на мелодраматическую просьбу.

Эррол быстро обернулся. Если бы он был киноактером, то не смог лучше передать ту ненависть, которая читалась на его лице. Несколько шагов, и он направился к нашей небольшой аудитории, которая теперь была в полном восторге от этой необычного представления.

— Конечно, — заметил Каратов, и Эррол, все еще держа кинжал наготове, замер, услышав это слово. — Вы же знаете, что под гипнозом в психологической лаборатории пациент часто наносит удар своему «врагу» резиновым кинжалом, имитируя все признаки настоящей страсти. А теперь!

Каратов не произнес ни слова, чтобы указать загипнотизированному, что ему следует делать. Но, когда Эррол сделал еще шаг, кто-то ахнул, и стало очевидно, что он выбрал именно Марчанта. На мгновение Эррол замер, держа резиновый кинжал над своей «жертвой», словно злорадствуя. Это было драматично, реалистично. Пока Эррол стоял неподвижно, Марчант улыбнулся нам, болезненной улыбкой, как мне показалось, словно он хотел сказать, что пьеса зашла слишком далеко.

Эррол ни на мгновение не отводил от него угрожающего

взгляда. Это был лишь миг в пьесе, но настолько неожиданный, что показался целой вечностью. Затем, стремительно, кинжал опустился на левый бок Марчанта, чуть выше груди, резиновый наконечник податливо согнулся при опускании.

Из уст Марчанта вырвался резкий крик. Я быстро взглянул. Он упал лицом вниз на пол.

Эдит Гейнс закричала, когда мы бросились к Марчанту и перевернули его. Пока Кеннеди, Каратов и Гейнс склонились над ним, пытаясь расстегнуть воротник и сделать что-то, в маленьком кругу наблюдающих царило смятение. Я тоже наклонилась и сначала посмотрела на покрасневшее лицо Марчанта, а затем на Кеннеди. Марчант был мертв!

На нем, по-видимому, не было ни единой царапины. Всего мгновение назад он был одним из нас. Мы могли смотреть друг на друга только с изумлением, смешанным со страхом. Убит резиновым кинжалом? Возможно ли это?

— Вызовите скорую — быстро! — указал мне Кеннеди, хотя я знал, что и он понимал бесполезность этого, разве что для галочки.

Мы стояли вокруг лежащей фигуры, ошеломленные. Через несколько мгновений должна была приехать полиция. Инстинктивно мы посмотрели на Каратова. Было очевидно, что он нервничает и находится в состоянии сильного эмоционального потрясения. Его голос дрожал, когда он выводил Эррола из транса, и тот, ошеломленный, ничего не понимающий, изо всех сил пытался осознать ужасно нереальную тра-

гедию, которая встретила его возвращение в сознание.

— Это... это был несчастный случай, — пробормотал Каратов, изо всех сил пытаясь оправдаться, хотя впервые в жизни дрожал. — Возможно, атеросклероз, затвердение артерий, какая-то слабость сердца. Я никогда...

Он прервал свои слова, когда Эдит Гейнс, шатаясь, упала в объятия мужа. Казалось, она была совершенно обессилена от шока. Или это была слабость, вызванная сильным психическим напряжением под воздействием собственного гипноза? Вместе мы пытались привести ее в чувство, ожидая первого вздоха, который казался бесконечным.

Тем временем Эррол расхаживал по комнате, словно во сне. События в этой суматохе развивались так быстро, что у меня остались лишь разрозненные впечатления. Лишь мгновение спустя я осознал всю серьезность происходящего, увидев Кеннеди, стоящего у стола в той же позе, что и Каратов, со странным выражением недоумения на лице. Постепенно я понял причину. Бумаги, на которых были написаны просьбы о демонстрации мастерства Каратова, исчезли!

Все, что нужно было сделать — надо было сделать быстро, и Кеннеди огляделся вокруг, не упустив ни одной детали. Прежде чем я успел сказать хоть слово о бумагах, он пересёк комнату, подойдя к тому месту, где стоял Марчант в небольшой группе с Эдит Гейнс, когда мы вошли. На прищипанном столике стояла чашка, из которой он пил чай. Повернувшись спиной к остальным, Кеннеди достал из нагруд-

ного кармана небольшой футлярчик с несколькими тонкими миниатюрными стеклянными трубочками. Он быстро капнул несколько капель осадка чая в одну из трубочек, а затем в другую — напиток из других чашек.

Он снова посмотрел на лицо Марчанта, словно пытаясь прочесть в испуганной улыбке, которая застыла, какую-то таинственную тайну. Постепенно в моей голове зародился вопрос: а было ли это несчастным случаем, как хотел бы заставить нас поверить Каратов?

Звон колокола снаружи поверг нас всех в еще большее замешательство, и мгновение спустя, почти одновременно, в комнату ворвались хирург в белом халате и полицейский в синей униформе. Казалось, в водовороте событий прошло совсем немного времени, прежде чем к полицейскому присоединился детектив, назначенный Центральным управлением в этот район.

— Итак, доктор, — потребовал детектив, входя в комнату, — каков вердикт?

— По-моему, это атеросклероз, — ответил молодой хирург. — Мне сказали, что там был какой-то гипнотический сеанс. Один из них, Эррол, ударил его резиновым кинжалом, и...

— Ну да! — усмехнулся сотрудник Центрального управления. — Убит резиновым кинжалом! Скажите, за кого вы меня принимаете? Что вы обнаружили, войдя внутрь, сержант?

Полицейский передал детективу резиновый кинжал, который подобрал на полу там, где Эррол уронил его, когда вышел из-под гипноза.

Детектив взял его осторожно, подозрительно проворчав:

— Я попрошу проанализировать суть дела. Возможно... ну, мы не будем говорить, что именно возможно. Но я могу сказать вам, что именно, вы, доктор Каратов, или как там вас зовут, и вы, мистер Эррол, арестованы. Сейчас вас гораздо легче задержать, чем потом. А если вам удастся добиться освобождения от судьи, мы хотя бы будем знать, где вы находитесь.

— Это возмутительно, нелепо! — разгорячился Каратов.

— Ничего не могу поделать, — спокойно ответил офицер.

— Да это же абсурд! — воскликнула Карита Бельвиль, возбужденно выступая перед двумя заключенными. — Даже врач скорой помощи говорит, что это атеросклероз, несчастный случай. Я...

— Хорошо, мадам, — успокоил сержант. — Тем лучше. Они вырвутся из наших рук гораздо быстрее. А сейчас это моя обязанность.

Эррол стоял молча, отведя взгляд от ужасной фигуры на полу, ни словами, ни действиями не выдавая своих чувств. Полиция направилась к двери.

Слабая и все еще дрожащая от перенесенного тройного шока, Эдит Гейнс тяжело опиралась на руку мужа, но, насколько я мог разобрать, это была лишь физическая под-

держка.

— Я же тебе говорил, Эдит, это опасное дело, — услышал я бормотание ее мужа. — Я и представить себе не мог, что они зайдут так далеко. Теперь ты видишь, к чему может привести такая глупость.

Несмотря на свою слабость, она отстранилась и бросила на него взгляд возмущенная его словами «Я-же-говорил-тебе».

В последний раз я видел их в той суматохе, которая была, когда они уезжали на машине, так и не помирившись.

Кеннеди, по крайней мере, на данный момент, казался вполне довольный тем, что полиция может действовать безнаказанно в отношении Эррола и Каратова. Что касается меня, то я считал, что миссис Гейнс и Карита Бельвиль представляли собой сложную проблему, но ничего не сказал, так как мой друг спешил обратно в свою лабораторию.

Там он тотчас же достал маленькую трубочку с несколькими каплями чая и аккуратно, словно чай был эликсиром жизни, вылил одну-две капли в стакан со свежедистиллированной водой. Пока он рассматривал содержимое стакана, его лицо помрачнело.

— Вы что-нибудь нашли? — с нетерпением спросил я. Кеннеди покачал головой.

— Что-то не так, — предположил он. — Возможно, это всего лишь прихоть, но я уверен, что в чае есть нечто с легким запахом, нечто похожее на чай, но с более горькова-

тым вкусом; оно могло бы вызвать тошноту, если бы не было скрыто в чае. Здесь не только дубильные вещества и сахар.

— Значит, по-вашему, кто-то из присутствующих подсыпал это в чай? — спросил я, содрогаясь от мысли, что мы подвергались какой-то неизвестной опасности.

— Я не могу сделать однозначный вывод без дальнейшего исследования этого и других взятых мной образцов.

— Тем не менее, вы отбросили ту нелепую теорию о кинжале, — осмелился предположить я.

— Полиция никогда не сможет оценить ту роль, которую он сыграл, — уклончиво ответил Крейг, раскладывая различные химические вещества в преддверии своего исчерпывающего анализа. — Я начал подозревать кое-что, как только заметил, что те записки, которые мы все написали, исчезли. Когда мы узнаем об этом чае, мы, возможно, найдем, кто их взял. Возможно, тогда эта загадка окажется не такой уж и загадкой.

По всей видимости, я ничего не мог сделать в это время, кроме как не мешать Кеннеди в расследовании, поэтому решил оставить его в лаборатории, а самому посвятить время наблюдению за тем, что полиция может случайно обнаружить, даже если окажется, что они работают над неверным аспектом дела.

Вскоре я обнаружил, что они, по крайней мере, проявляли активность. Хотя прошло немного времени после смерти Марчанта, они установили, что на конце игрушечного кин-

жала, вызвавшего сомнения у детектива, не могло быть ничего, кроме резины.

Что касается вскрытия, проведенного над Марчантом, оно действительно показало, что он страдал от атеросклероза, вызванного его образом жизни, как и утверждал Каратов. Более того, полиции удалось доказать, что Марчант обращался к Каратову именно из-за этого. На мой взгляд, этого было вполне достаточно для подтверждения, что терапевтический гипнотизер действительно являлся тем, в чем его обвинял Гейнс. Даже мне, как дилетанту, лечение атеросклероза с помощью ментального исцеления казалось, мягко говоря, нелогичным.

Однако доказательства против Каратова и Эррола были настолько неубедительными, что им не составило труда добиться освобождения под залог, хотя, конечно, сумма залога была очень высокой.

Мои собственные расспросы среди других репортеров «Стар», которые могли что-то знать, дали более многообещающую зацепку. Вскоре я обнаружил, что у Эррола была весьма неприглядная репутация. Его образ жизни несколько не способствовал увеличению его и без того скудных средств; а среди его товарищей по клубу бытовало общее мнение, что неудачные инвестиции серьезно подорвали его состояние. Тем не менее, я не решался составить даже мнение по поводу сплетен.

Я был совершенно недоволен результатами своего рассле-

дования и не смог сдержать нетерпения вернуться в лабораторию и узнать, добился ли Кеннеди каких-либо успехов в своих исследованиях чая.

— Если бы вы пришли на пять минут раньше, — поприетствовал он меня, — вы бы удивились, увидев посетителя.

— Посетителя? — повторил я. — Кто?

— Карита Бельвиль, — ответил он, наслаждаясь моим недоверием.

— Чего она могла хотеть? — наконец спросил я.

— Вот что меня и интересовало, — согласился он. — Ее оправдание было правдоподобным. Она сказала, что только что узнала, почему я приехал с Гейнсом. Полагаю, она полчаса потратила, убеждая меня, что Каратов и Эррол никак не могли быть связаны со смертью Марчанта иначе, как случайно.

— Может быть, она сказала одно слово о них, а полчаса посвятила себе? — недоуменно спросил я.

Кеннеди пожал плечами.

— Не могу сказать. В любом случае, теперь, когда они на свободе, мне нужно увидеться и с Каратовым, и Эрролом. Возможно, ее послали, думая, что я могу в нее влюбиться. Она довольно явно намекнула на то, что я могу использовать свое влияние на Гейнса при подготовке его отчета. Впрочем, возможно, она просто интересовалась своим положением в этом деле.

— Вы что-нибудь нашли? — спросил я, заметив, что его

лабораторный стол был завален обычными принадлежностями.

— Да, — лаконично ответил он и, взяв бутылку концентрированной серной кислоты, капнул несколько капель в стакан со слегка подкрашенной водой.

Вода медленно приобрела красивый зеленый цвет. Не успела реакция завершиться, как он взял немного брома и добавил его. Вода снова медленно изменила цвет, на этот раз из зеленого в своеобразный фиолетово-красный. Добавление еще воды вернуло зеленый цвет.

— Это тест Грандо, — удовлетворенно кивнул он. — Я также пробовал физиологический тест на лягушках из биологического отдела, и он показывает, какое воздействие на сердце я...

— Что демонстрирует этот эффект? — перебил я, несколько нетерпеливо.

— О, конечно, — улыбнулся он. — Я совсем забыл, что не рассказал вам о своих подозрениях. Да, дигиталис — «наперстянка», — понимаете? Полагаю, полиции и в голову не приходило, что резиновый кинжал мог скрывать какое-то странное отравление? Ну, если они возьмут содержимое желудка, растворят его в спирте с небольшим количеством подкисленной воды, проедят фильтрат и попробуют на собаке, то увидят, что его действие — это действие дигиталиса. Дигиталис — это накопительный яд и мощный стимулятор стенок артерий, по экспериментальным данным, идеальное

лекарство для повышения артериального давления. Разве вы не понимаете? — взволнованно добавил он. — Резиновый кинжал был лишь средством достижения цели. Кто-то, зная о слабом сердце Марчанта, сначала подмешал ему в чай дигиталис. Это стало возможным благодаря вкусу чая. Затем, в пылу пантомимы Эррола, болезнь Марчанта поглотила его, как и следовало ожидать в данных обстоятельствах. Это было умно, дьявольски умно. Тот, кто это сделал, уничтожил записку, в которой был предложен этот план, и посчитал, что никто никогда не станет искать яд в этом клубке событий.

Постепенно, но отчетливо, я начал понимать, насколько точно Кеннеди воссоздает это странное дело. Но кто это был? Каков мотив этого зловещего убийства, которое было так тщательно спланировано, что никто никогда не заподозрит преступления?

Я едва успел сформулировать вопросы, как зазвонил телефон. Это был сотрудник Центрального управления. Детектив предвосхитил мою версию событий, но пошел гораздо дальше. Он обнаружил явные свидетельства деловых отношений между Эрролом и Марчантом. Один из эпизодов касался сделки, где Эррол инвестировал средства, приобретая акции, которые рекламировал Марчант, и которые, как известно, были «очень дорогие». Я предположил, что именно это послужило основанием для слухов о том, что Эррол понес финансовые потери, серьезно подорвавшие его небольшое состояние. Это была важная информация, и Кеннеди с

радостью ее принял, но ничего не рассказал о своем открытии. Время еще не пришло, чтобы его обнародовать.

После разговора с детективом Кеннеди несколько мгновений казалось, что он снова и снова возвращается к делу, словно сомневаясь, прояснит ли новая информация ситуацию или, наоборот, усугубит загадку. Затем он внезапно поднялся.

— Мы должны найти Каратова, — заявил он.

Какова бы ни была связь гипнотизера с этим странным делом, он был слишком умен, чтобы выдать себя такой ошибкой, как попытка избежать допроса. Мы легко нашли его в своей студии, и у нас не возникло никаких трудностей с тем, чтобы получить доступ. Он знал, что за ним наблюдают, и что откровенность была его лучшим оружием защиты.

— Конечно, — начал Кеннеди, — вы знаете, что расследование показало вашу правоту в диагнозе, касающемся проблем с Марчантом. Вы лечили его от атеросклероза?

— Было бы непрофессионально это обсуждать, — поспешно парировал Каратов, — но, поскольку господин Марчант умер, я думаю, могу сказать, что это так. На самом деле, мало кто, кроме тех, с кем я общался, понимает, насколько удивительным может быть применение гипноза в лечении болезней. Я даже добился замечательных успехов в лечении таких заболеваний, как сахарный диабет. Мы только на пороге понимания того, насколько удивительно влияние человеческого разума на материальное тело.

— Но ведь и другой пациент мог знать, от чего лечился Марчант? — перебил Кеннеди, игнорируя защиту Каратова, которая следовала стереотипным линиям подобных причуд, у которых, кажется, всегда находятся последователи.

Каратов удивленно посмотрел на него. Очевидно, он наспех произвел какие-то расчеты, чтобы определить скрытый мотив Крейга. И, несмотря на его почти невероятные заявления и игру, я видел, что он читал мысли Кеннеди ничуть не лучше меня.

— Полагаю, да, — признал он. — Ни один врач никогда не мог контролировать язык своих пациентов. Иногда они хвастаются своими болезнями.

— Особенно если это женщины? — намекнул Кеннеди, внимательно наблюдая за реакцией на это замечание. — Мне только что посчастливилось принять в своей лаборатории Кариту Бельвиль.

— В самом деле? — с трудом сдерживая любопытство, ответил Каратов. — Мисс Бельвиль была очень любезна, познакомив меня с некоторыми из своих друзей и знакомых, и я льщу себе мыслью, что смог принести им большую пользу.

— Значит, она не была пациенткой? — продолжил Кеннеди, старательно избегая прояснять ситуацию с Каратовым во время визита.

— Скорее, подруга, — быстро ответил он. — Это она познакомила меня с мистером Эрролом.

— Насколько я понимаю, у них довольно близкие отно-

шения, — поспешил добавить Кеннеди.

— Честно говоря, я очень мало об этом знал, — уклончиво ответил Каратов.

— Она представила мистера Марчанта?

— Она представила миссис Гейнс, а та представила мистера Марчанта, — ответил гипнотизер с явной откровенностью.

— Вы лечили миссис Гейнс? — спросил Крейг, неожиданно снова переключив внимание на другую тему.

— Да, — признался Каратов, остановившись.

— Думаю, ее проблемы были скорее психологическими, чем физическими, — заметил Кеннеди, непринужденным тоном, словно наугад пытаясь разобраться в ситуации.

Каратов пристально посмотрел на Кеннеди, но не смог прочесть выражение его лица.

— Думаю, — медленно произнес он, — одна из проблем заключалась в том, что миссис Гейнс больше нравилась светская жизнь, чем простая.

— Ваша клиника, мистер Марчант, и все остальное лучше, чем ее муж и жизнь в университете, — продолжил Кеннеди. — Думаю, вы правы. Она отдалилась от мужа, а когда женщина так поступает, у нее появляется множество поклонников — определенного типа. Я бы сказал, что мистер Эррол был из тех, кому светская жизнь была важнее простой жизни, как вы выразились.

Я не понял, в каком направлении двигался Кеннеди, но

было очевидно, что Каратов чувствовал себя более комфортно. Может быть, потому что поиски, казалось, уводили от него самого?

— Я заметил нечто подобное, — осмелился предположить он. — Я видел, что в этом отношении они похожи, но, конечно же, мистер Марчант был ее другом.

Внезапно до меня дошел смысл, но прежде чем я успел что-либо сказать, Кеннеди перебил:

— Тогда мистер Эррол, возможно, под гипнозом воплощал свои истинные чувства и желания?

— Я не могу этого утверждать, — сказал Каратов, пытаюсь уклониться от ответа. — Но под влиянием внушения, полагаю, верно, что злонамеренный человек может подсказать другому совершить преступление, и тот, лишенный свободы воли, может это сделать. Резиновый кинжал часто использовался для инсценировки убийств. Возможность реального убийства нельзя отрицать. Однако в данном случае нет никаких сомнений в том, что это был несчастный случай.

— Никаких вопросов? — прямо спросил Кеннеди.

Если Каратов что-то и скрывал, то скрывал умело. Он не представил никаких доказательств, которые бы ослабили его первоначальную версию дела, будь то для собственной защиты или защиты другого лица.

— Насколько мне известно, никаких сомнений нет, — повторил он.

Мне было интересно, планировал ли Кеннеди рассказать

ему о результатах своих лабораторных анализов, но я боялся взглянуть на них, опасаясь выдать какой-либо намек. Я был рад, что не сделал этого. Следующий вопрос Кеннеди увел его далеко от темы.

— Вы знали, что Медицинское общество интересовалось вами и вашей клиникой еще до того, как была организована демонстрация с профессором Гейнсом?

— Я подозревал, что кто-то мной интересуется, — быстро ответил Каратов, — но понятия не имел, кто это может быть. Сейчас, когда я об этом думаю, возможно, именно профессор Гейнс инициировал это расследование. Скорее всего, он бы заинтересовался. Моя работа настолько опережает все, что делают консервативные психологи, что он, естественно, почувствовал бы к ней неприязнь, не так ли?

— Особенно с учетом личного мотива, заключавшегося в том, что его жена была одной из ваших пациенток, наряду с Каритой Бельвиль, Марчантом, Эрролом и остальными, — добавил Кеннеди.

Каратов улыбнулся.

— Я бы сам так не сказал. Но раз вы об этом заговорили, не могу не признать, что это правда. Не думаете ли вы, что я мог бы предсказать характер любого его доклада?

Каратов смотрел прямо на Кеннеди. В его глазах читалось почти торжество.

— Думаю, мне лучше больше ничего не говорить, разве что по совету моего адвоката, — наконец заметил он. — Ко-

гда полиция меня найдет, я буду здесь.

Теперь, когда мы вышли из студии, мне стало совершенно очевидно, что Каратов считал себя мучеником, что он был не только жертвой несчастного случая, но и объектом преследования.

— Рыбалка была хорошая, — коротко заметил Кеннеди, когда мы подошли к улице. — Теперь, прежде чем увидеть Эррола, я хотел бы снова увидеть Гейнса.

Пока мы шли молча, я пытался разобраться в ситуации. Марчант был близко знаком с Эдит Гейнс. Карита Бельвиль тоже знала Эррола. Я вспомнил, как Эррол крутился вокруг миссис Гейнс за чаем, и инцидент во время спиритического сеанса, когда Карита Бельвиль выдала свое недовольство каким-то замечанием Эррола. Танцы Эдит Гейнс дали ей понять, насколько ревнива женщина. Может быть, именно интерес к Эрролу побудил ее посетить лабораторию? Я знал, что Кеннеди плетет паутину против кого-то. Но против кого?

Проехав угол, он остановился, зашел в аптеку и набрал несколько номеров в телефонной будке. Затем мы свернули на территорию кампуса и быстро направились к лаборатории психологического факультета. Когда мы вошли, там сидел Гейнс за своим столом и что-то писал.

— Рад вас видеть, — поприветствовал он, откладывая работу. — Я как раз заканчиваю черновик своего отчета по делу Каратова. Я пытался связаться с вами по телефону, чтобы узнать, не хотели бы вы что-нибудь добавить к нему. Есть ли

что-нибудь новое?

— Да, — ответил Кеннеди, — кое-что новое. Я только что вернулся от Каратова, и по дороге вдруг решил, что пора что-нибудь предпринять. Поэтому я позвонил в полицию, которая привезет сюда Эррола, а также мисс Бельвиль. Каратов приедет — он не посмеет остаться в стороне; и я также позволил себе позвонить миссис Гейнс.

— Чтобы прийти сюда? — с легким удивлением повторил Гейнс. — Всем им?

— Да. Надеюсь, вы простите меня за вторжение, но я хочу одолжить у вас часть оборудования психологической лаборатории. Я подумал, что проще будет использовать его здесь, а не везти к себе домой и заново все устанавливать.

— Все к вашим услугам, — сказал Гейнс. — Это немного неожиданно, но если остальные смогут выдержать хаос в комнате, думаю, мы тоже сможем.

Кеннеди осматривал различные инструменты, которые Гейнс и его ученики использовали в своих исследованиях, а теперь изучал что-то в углу на маленьком столике. Это было странное, довольно простое устройство, но оно никак не давало мне представления о его назначении. Там была манжета, стеклянная камера, заполненная водой, в которую она вставлялась, трубки и провода, соединяющие различные циферблаты и регистрирующие приборы с камерой, и что-то похожее на хронограф.

— Это мой новый плетизмограф, — заметил Гейнс, с

некоторым удовлетворением отметив, что Кеннеди выделил именно его.

— Я слышал, как студенты об этом говорили, — ответил Кеннеди. — Это усовершенствованный прибор, Уолтер, который регистрирует кровоток.

Я вежливо кивнул и, скрывая свое невежество, молча надеялся, что Гейнс добровольно просветит нас.

— Один из моих студентов готовит исчерпывающую таблицу, — продолжил Гейнс (как я и надеялся), — показывающую влияние различных раздражителей на распределение крови — например, холода, тепла, хлороформа, адреналина, желания, отвращения, страха, а также физических состояний, лекарств, эмоций. С помощью этого плетизмографа, который можно настроить на регистрацию кровотока через мозг, конечности, любую часть тела, можно изучать самые разные вещи. Когда все это будет составлено, я думаю, мы откроем новую область исследований.

— Безусловно, очень перспективный вариант, — вмешался Кеннеди. — Как был усовершенствован этот прибор? Я видел старые модели, но этот вижу впервые. Как он работает?

— Ну что ж, — объяснил Гейнс с легкой долей гордости, — видите ли, для изучения кровотока в конечностях я надеваю на руку вот эту манжету. Допустим, я хочу изучить влияние боли. Просто воткните иглу мне в другую руку. Не возражайте. Это в интересах науки. Видите, когда я поморщил-

ся, плетизмограф это зафиксировал. Было немного больно, и я пытаюсь представить, что боль усилилась. Вы увидите, как боль влияет на кровоток.

Наблюдая за индикатором, Кеннеди задавал один вопрос за другим о работе прибора и о том, каким образом современный психолог изучает каждую эмоцию.

— Кстати, Уолтер, — перебил он, взглянув на часы, — позвони в полицию и узнай, начали ли они уже передвижения с Эрролом и остальными. Не останавливайтесь, Гейнс. Я должен разобраться в этом деле до их приезда. Это именно то, что мне нужно.

— С радостью отдам его вам, — ответил Гейнс.

— Думаю, мне понадобится что-то новое в отношениях с этими людьми, — продолжил Кеннеди. — А знаете ли вы, что я обнаружил?

— Нет, но надеюсь, что смогу добавить это в свой отчёт?

— Возможно. Посмотрим. Во-первых, я обнаружил, что в чай Марчанта добавили дигиталис.

— Они придут прямо сейчас, — сообщил я по телефону, повесил трубку и снова присоединился к ним.

— Это не могло быть случайностью, как говорил Каратов, — быстро продолжил Кеннеди. — Препарат повысил кровяное давление Марчанта, который и без того страдал от атеросклероза. Короче говоря, я считаю, что эпизод с резиновым кинжалом был спланирован преднамеренно, это была тщательно продуманная схема, чтобы устранить Марчанта.

Кажется, никто больше этого не заметил, но те записки, на которых мы все писали, исчезли. В худшем случае это будет выглядеть как несчастный случай, Каратова обвинят, и...

Снаружи послышался шум, когда подъехала машина.

— Вот, дай-ка я это сниму, прежде чем кто-нибудь увидит, — прошептал Гейнс, снимая манжету.

Как раз в это время открылась дверь, и вошли Эррол, Каратов, Карита Бельвиль и Эдит Гейнс.

Не успев даже сказать ни слова приветствия, Кеннеди шагнул вперед.

— Это не было случайностью, — повторил он. — Это был преднамеренно спланированный, по-видимому, безопасный способ мести Марчанту, любовнику миссис Гейнс. Без вашего нового плетизмографа, Гейнс, вы смогли направить эту месть на невинного человека!

Эрнест Брама

Тайна башни Дунстана

Эрнест Брамма Смит (1868 — 1942), писавший под псевдонимом Эрнест Брама, был английским писателем. Он наиболее известен циклом о Максе Каррадосе, слепом сыщике.

Рассказ «Тайна башни Дунстана» (The Secret of Dunstan's Tower) взят из сборника «The eyes of Max Carrados», 1923. (Проект Гутенберг), «Общественное достояние» согласно авторскому праву США и России.

Перевод с английского Валерия Чудова

Особенностью господина Каррадоса было то, что он мог в любой момент, если это было необходимо, бросить самое увлекательное занятие своей повседневной жизни, полностью посвятить себя решению какой-либо криминологической проблемы, на что, возможно, ушло бы несколько дней, а по истечении этого времени вернуться к своим личным делам именно с того места, где он их оставил.

Утром 3 сентября он диктовал своему секретарю монографию, которой дал привлекательное название: «Портрет Александра Великого в образе Юпитера Аммона на неотредактированной октадрахме Македонии», когда пришла телеграмма. Секретарь, Греторекс, обрабатывал такие сообще-

ния как само собой разумеющееся и, достав конверт с подноса Паркинсона, разрезал его в паузе между парой предложений.

— Это ваше личное дело, сэр, — заметил он, мельком взглянув на сообщение. «Отправлено Незерхемпсфилде в 10:48 утра. Повторилось. На одну ступеньку выше. Совершенно озадачен. Туллок».

— Ах да, всё в порядке, — сказал Каррадос. — Никакого ответа, Паркинсон. Вы записали «римского господства»?

— «...такое мастерство до сих пор хранит память о влиянии Спарты вплоть до эпохи римского господства», — зачитал секретарь.

— Этого достаточно. Как обстоят дела с поездами до Незерхемпсфилда?

Грейторекс отложил блокнот и взял в руки железнодорожный справочник.

— Отправление из Ватерлоо в 11... — Он взглянул на настольные часы. — О, это никуда не годится. 12:17, 2:11, 5:09, 7:25.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.